

© 1993 г. ЖУРАВЛЕВ А.Ф.

ПРАСЛАВЯНСКИЙ СЛОВНИК ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЕКСИКОСТАТИСТИКИ

Новгородцы, быв всегда старшими
сынами России, вдруг отделились от
братьев своих; быв верными поддан-
ными князей, ныне смеются над их
властью... и в какие времена?

Карамзин. Марфа-посадница,
или покорение Новагорода

Публикацией обширного исследования А.А. Зализняка "Наблюдения над берестяными грамотами", практически воспроизведенного в позднейшей работе "Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения", а затем его докладами "Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков" на заседании Бюро Отделения литературы и языка АН СССР и "Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка" на X Международном съезде славистов в Софии (см. [1—4]) было резко обострено внимание славистов к крупной проблеме, порождаемой довольно многочисленными диалектными особенностями идиома, который отражен в группе памятников, относящихся к древнейшим фиксациям славянской речи (точнее, второй после старославянского, но первым из письменных свидетельств бытовой, живой славянской речи).

Ряд важных черт связывает древненовгородский диалект с западнославянскими языками: отсутствие палатализации заднебных в сочетаниях **kv*, **gv* в позиции перед *ě*, *i*, *ь*; сохранение взрывного элемента в древних сочетаниях **tl*, **dl* — с передвижкой смычки к заднему небу: *kl*, *gl*; совпадение рефлексов **tj* и **dj* с *k* и *g*, находящимися "в позиции второй палатализации" (т.е. перед *ě* или *i*) — с тем различием, что в западнославянских языках эволюция этих рефлексов пошла дальше; реализация фонемы *ě* как относительно открытой гласной — как в польском; устранение сочетаний *вл'*, *мл'*: "Не исключено, что тенденция к устранению сочетаний *вл'*, *мл'* находится в некоторой отдаленной связи с отсутствием таких сочетаний (кроме позиции начала морфемы) в древних диалектах западнославянской зоны" [4, с. 168]; морфологическое оформление деми-нутивов с суф. -*ьк*- от имен собственных *о*-склонения как *masculina*, подобно западнославянскому оформлению таких имен, а не как *neutra*, что наблюдается в идиомах Юго-Западной Руси и в южнославянских языках; совпадение род. пад. ед. числа жен. рода с дательным и местным падежами ед. числа в адъективном и местоименном склонениях и другие явления (см. [4]).

Чертами, объединяющими диалект, отражаемый новгородскими берестяными грамотами, с западнославянской зоной, он обязан, по мнению А.А. Зализняка, севернокривичскому компоненту. Другой компонент, составивший основу древненовгородского диалекта, — говоры ильменских словен, находящиеся ближе к остальным восточнославянским идиомам, которые

в свою очередь обнаруживают много общего с языками южнославянской зоны и особенно сербохорватско-словенской подгруппой.

Древненовгородский, таким образом, представляет собою тип смешанного диалекта, развившегося в зоне контактов двух групп говоров с разными генетическими характеристиками. Последние, собственно, заключаются не в изначальной принадлежности новгородского диалекта или одного из его компонентов какой-либо восточнославянской диалектной области, а в особой его архаичности, в отражении им состояния, предшествовавшего окончательному размежеванию восточных, западных и южных славян (см. [3, с. 99]). Древненовгородский диалект разрушает, как считает А.А. Зализняк, традиционные устойчивые представления о моногенезе восточнославянской языковой группы ([4, с. 176]; ср. [5, с. 166—167]).

Сама проблема происхождения древненовгородского диалекта далеко не нова. Одна из наиболее крупных работ на эту тему — вышедшая посмертно статья Д.К. Зеленина "О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода" [6], где проблема рассматривается в полемике прежде всего с работами А.А. Шахматова о возможном ляхском влиянии на сложение восточнославянских диалектов и этносов [7—10] и далее с работой П.А. Расторгуева о западнославянских чертах белорусской фонетики [11], и др. Д.К. Зеленин выдвигает тезис о переселении на берега Ильменя и Волхова несколькими партиями выходцев из области восточнобалтийских (поморских) славян, переселении, случившемся (или случавшимся) "так рано, что до летописца XI в. дошли лишь глухие предания" [6, с. 95]. Для обоснования этого тезиса Д.К. Зеленин рассматривает многочисленные, главным образом фонетические, параллели между западно- и севернорусскими диалектами, включая (особенно обильно и пристрастно) говоры Сибири, с одной стороны, и западнославянскими (польским, поморским, полабским) языками, с другой. Среди аргументов Зеленина — и лексические факты, как из живых говоров, по преимуществу сибирских, так и из древних письменных памятников, в частности из Первой новгородской летописи, проанализированной Н.М. Петровским [12] с точки зрения наличия в древненовгородском западнославянском лексического компонента.

К настоящему времени существует довольно обширная лингвистическая литература, касающаяся проблемы генетических связей между севером западнославянской зоны и западом (северо-западом) восточнославянской (см. [13—27]). Исследования А.А. Зализняка, таким образом, дают новый (и богатый) материал для размышлений на достаточно старую тему, без привлечения которого — теперь это вполне очевидно — решение проблем восточнославянского глоттогенеза попросту неосуществимо.

Возможны ли для выяснения истоков и путей формирования древненовгородского диалекта лексикостатистические измерения его внешних ориентаций?

Для ответа на этот вопрос обратимся к данным, которые можно извлечь из Словоуказателя к новгородским берестяным грамотам [28].

В Словоуказатель помещена лексика всех найденных к моменту его создания берестяных грамот Новгорода (№№ 1—614) и Старой Руссы (14 грамот, отражающих тот же диалект), а также Пскова, Смоленска, Витебска, Мстислава, Твери; всего 645 грамот. Объем Словоуказателя — примерно 2250 лексем. Приблизительно 840 из них — имена собственные (сюда не включаются производные — отойконимические — наименования жителей), причем большинство из них не имеет соответствий в апеллятивном слое лексики и/или является заимствованиями. Таким образом, праславянский пласт лексикона новгородских берестяных грамот — основной материал для межславянских сравнений лингвогенетической направленности — ожидается довольно скромным по величине.

К лексикостатистическому анализу по испытанным нами (см. [29—31]) процедурам мы можем привлечь лишь ту часть праславянской лексики древненовгородского диалекта, которая может быть возведена к праславянским реконструкциям, осуществленным в изданной к настоящему времени части Этимологического словаря славянских языков [32] — ЭССЯ. Сколь ни интересна и ярка была бы лексика, остающаяся за обозначенными пределами, ее статистическое исследование на фоне инославянского материала нецелесообразно ввиду неполноты наших представлений о ее корреспонденциях в языках разных групп и подгрупп славянской семьи. Оно будет возможно лишь по завершении издания полного этимологического словаря славянских языков.

Сопоставление лексики, представленной Словоуказателем, с материалами обследованной статистически части ЭССЯ (первые 15 выпусков) позволило выделить 378 праславянских слов, которые могли быть использованы в квантитативном анализе праславянского словника древненовгородского диалекта с целью выявления его статистических связей с другими славянскими идиомами. Это составляет всего лишь около 5% всего объема части праславянского словарного фонда, подвергшейся статистической обработке (объем первых 15 выпусков ЭССЯ — 7936 лексем, с исключением слов сомнительной праславянской древности — 7557 лексем). Для сравнения: аналогичный показатель составляет у старославянского языка — 14,9%, болгарского — 43,2%, северновеликорусского наречия — 55,1%, русского языка в целом — 65,6%. Величина праславянского словника древненовгородского диалекта по берестяным грамотам оказалась весьма низкой, меньше даже, чем у полабского языка (452 лексемы в указанном интервале). Это означает, что статистические наблюдения над праславянской лексикой диалекта древнего Новгорода будут отличаться не слишком высокой надежностью.

Именно по этой причине мы нашли нерациональным специальное вычленение лексики ранних берестяных грамот, относящихся, по Зализняку (см. [2, с. 91]), к домонгольскому периоду русской истории и составляющих 37% всех имеющихся грамот: такой отбор сделает статистику еще менее надежной.

Для обрисовки изоглоссных связей древненовгородского диалекта важно указание на наличие в его словарном составе праславянских по происхождению слов, не встречающихся в других восточнославянских идиомах. К таковым относятся лексемы **dorgobqđь* (Дорогобудь, личное имя; свидетельство ценно тем, что до него фиксировалось только производное **dorgobqđь*, включенное в [32, вып. 5, с. 75], с отражениями в сербской, чешской и древнерусской ойконимии, из восточнославянских *Дорогобужей* упомянут лишь смоленский и не упоминается волынский, название которого встречается в Лаврентьевской летописи раньше смоленского — под 1084, 1097 и 1100 гг.), **jaroměрь*/**jaromirь* (Яромирь, личное имя; отмечено в болгарском, сербохорватском, старочешском и старопольском антропонимиконах [32, вып. 8, с. 176], **klešъ* "лещ" (*клешь*, которому А.А. Зализняк придает особенную значимость как доказательству переклички древненовгородского с "очевидными соответствиями в западнославянских языках" [2, с. 121] — старопольском, словинском, нижнелужицком, далее — с иным рефлексом инициальной консонантной группы: *dlešč* — в старочешском; см. также [32, вып. 14, с. 144]. Правильное толкование др.-новг. *клешь* предложено в работе [33]. Строго говоря, древненовгородское слово не является одиноким на восточнославянской территории, ср. производные *клеши́нец*, *клеши́нцы*, *клеши́нец* "род рыболовной снасти", уральский фразеологизм *клещ на уоу*, недоброе пожелание рыболову [34, вып. 13, с. 292—293], топонимы *Клешино* (озеро) и под. (ср. *Плещеево озеро*).

"Западнославянским" в нем следует считать отражение *il- > kl-*, подобно спорадическому переходу срединных *-il-*, *-dl-* в *-kl-*, *-gl-* в севернолехитских говорах [2, с. 121]), **krqрь(jь)* (крупныи "мелкий"; отмечено еще в болгарском, старочешском, польском и словинском, а также в церковнославянском [32, вып. 13, с. 27]), **kyselъ(jь)/*kysěljъ(jь)* (киселыи "кислый"; соответствия — во всех южнославянских, чешском и польском, также в русско-церковнославянском [32, вып. 13, с. 271] — в отличие от господствующих на восточнославянской территории рефлексов формы **kys(ь)ljъ(jь)*.

Если иметь в виду и слова, известные по древнерусским памятникам, но не свидетельствуемые живыми восточнославянскими языками, то этот список должен быть пополнен лексемами **ati*, союз (*ати*, *ать*, далее *ати* но, *ать* но, *ать* ти; ср. [2, с. 163—164]; также — в чешском, старопольском [32, вып. 1, с. 40]), **bebrъ* (бебръ "бобр", также — в сербско-церковнославянском, болгарском, словенском, верхнелужицком [32, вып. 1, с. 174] но возможно также отнесение к праформе **bьbrъ*, рефлектирующей в сербохорватском и древнерусском [32, вып. 3, с. 158]), **boguslavъ* (в виде производного *Богуславъ*, отражения производящего — в болгарском, сербохорватском, старочешском, польском, личные имена [32, вып. 2, с. 161]), **borislavъ* (Бориславъ, личное имя; также — в болгарском и старочешском, [32, вып. 2, с. 203]), **čedъ* (чадь, также — в старославянском и сербохорватском [32, вып. 4, с. 104]) и, возможно, иными (об упомянутых здесь именах собственных можно, впрочем, заметить, что они не обязательно отсутствуют на восточнославянской территории в поздние времена как продолжения исконного ономастического репертуара, а не заимствования из других славянских именников).

Вместе с соответствиями в других восточнославянских идиомах древненовгородский диалект имеет следующие корреспонденции только с южнославянскими языками (но не с западнославянскими): **bajanъ* (Боянь: болг. *байн*, несклоняемое прилагательное, фолькл. — исключительно редкое, см. [35, т. I, с. 38]), **blědъ* (бладь), **bl'usti* (блосту), **čьrньnica* (в виде производного *чьрмничныи*, от названия ткани), **gostъba* (гостьба, гозба), **dorъ* (доръ "земля, расчищенная под пашню"), **kakovъ(jь)* (каковъ), **konъčati* (в префиксальном производном *доконъчати*, с *a*-тематизацией, в отличие от формы на *-iti*, продолжаемой и западнославянскими), **koževъnikъ* (кожевникъ).

Напротив, вместе с другими восточнославянскими отражениями древненовгородский имеет корреспонденциями только в западнославянских (но не в южнославянских языках) **běgt'i* (в префиксальном производном *побъчи*), **bьrtъ* (борть), **galqza/*galqъ* (Голуза или Голузь; с иным, однако, вокализмом корня, как в чешск. *holeska* "ветка", ср. укр. *гóлуг* "сук, ветвь", см. [32, вып. 6, с. 95—96]), **gor'eslavъ/*gorislavъ* (в виде суффиксального производного *Гориславичъ*, отчество), **gostęta* (Гостата), **jьstъbъka* (устебка), **jъzvětati* (в чешском, древнерусском и русских диалектах отмечается только глагол на *-iti*, *a*-тематизация — только в новгородском?; существительное **jъzvěť* отмечается в южно- и восточнославянской группах, но не в западнославянских языках, см. [32, вып. 9, с. 94—95]), **korbъka* (коробка), **laditi (se)* (*ladimuca*), **legati (se)* II (в суффиксальном производном *Лагачъ*, прозвище).

Наконец, случаи, когда лексические изоглоссные (праславянского происхождения) связи древненовгородского диалекта замыкаются только восточнославянским ареалом: **bersto* ср. р. (*бересто* "берестяная грамота"), **četvьrgъ* (четвергъ), **deševъ(jь)* (дешевыи), **domažirъ* (Домажиръ, личное имя, производные *Домажировъ*, *Домажировичъ*; к имеющимся в [32, вып. 5, с. 69] восточнославянским продолжениям **domažirъ*, вероятно, следует добавить белорусский топоним *Дóмжерицы/Дóмжарыцы* ([36, с. 105]:

"В основе названия древнерусское имя Доможир"), **godьь* (гожиш), **gьлькь* (глекь), **kolьbь*/**kolobь* (**kolobь*?) (в виде производного *колобьа* "ком, пригоршня"), **kororyje* [*Копорья* ж.р., нынешнее *Копорье* в Санкт-Петербургской губ. (Ленинградской обл.)], **koręga*/**koręka* (в виде суффиксального производного *коракула* "род железного инструмента", ср. *каракули*, яросл. *каракуля* "железные навозные вилы", см. [37, т. II, с. 192]), **košьь* (*Коциш*, прозвище), **kriti*/**krynqti* "купить" (*криту*; форму **krynqti* (Зализняк считает лексикографической фикцией, идущей от Срезневского, см. [1, с. 115; 2, с. 174]; к древнерусскому слову, имеющему далекие индоевропейские — индоарийские, греческие, кельтские, а в производных и балтийские — связи, но изолированному на собственно славянской почве, О.Н. Трубачев привлекает укр. диалектн. *кринутис*"а "взяться, схватиться", блр. (*даж*)*крануцца* "дотронуться" [32, вып. 13, с. 74—75], что, на наш взгляд, выглядит скорее гипотетичным, чем вполне доказанным), **kьlьkь* (*колткы* "серьги"; производящее **kьlь* отражено, по мнению О.Н. Трубачева [32, вып. 13, с. 152], в чешск. *klut* "выбоина на дороге"; производящий глагол **kьlati* известен польскому в значениях "резать, кромсать; молотить; крутить, мешать", "качаться" [там же, с. 190]).

Разумеется, выход за пределы алфавитного диапазона *a—lo-*, которым ограничено наше исследование, даст множество других лексических примеров, иллюстрирующих разнонаправленные связи древненовгородского диалекта, связи, которые восходят еще к праславянскому времени, по крайней мере к позднепраславянскому периоду. Например, А.А. Зализняк указывает др.-новг. *рути* "подвергать конфискации, секвестру", которому соответствует большое словообразовательное гнездо в словенском. Ни в каком другом славянском языке такого гнезда нет" [2, с. 170]; *продавиту* с соответствиями в украинском и польском [2, с. 176]; безйотовую основу *-ѡта-* в глаголе *изѡтати* "заявить о правонарушении", имеющую корреспонденции в виде единичных реликтов в серб.-хорв. (черногор.) *viјetati* "обещать", словен. *obētati* "обещать" [2, с. 177]; *тѡгдѡ* с прямым соответствием в др.-чешск. *thed* "тогда" [2, с. 189]; союз *та* "да, и" с параллелями прежде всего в украинском (впрочем, как отмечает А.А. Зализняк, южнорусские и украинские факты делают вероятным — но не более — предположение о южнорусском происхождении берестяной грамоты № 109) [2, с. 190]; личное имя *Сторонька*, возможно, гипокористическое от **Сторониславъ* с соответствием в др.-польском женском имени *Stronislawa* [2, с. 216]. Добавим еще личное имя *Лудьславъ* с параллелью в ст.-чешск. *Ludislav*, см. [32, вып. 16, с. 167]. Однако мы останемся в обозначенных алфавитных границах, не будучи уверенными в достаточной полноте наших представлений об ареальных свойствах слов вне указанного диапазона.

Без всякого сомнения, словник ЭССЯ, с которым мы сличаем древненовгородскую лексику, неполон и будет в дальнейшем расширяться за счет новых источников и вновь обнаруженных межславянских параллелей. По-видимому, и в обследованном фрагменте древненовгородского Словоуказателя можно найти лексику, которая не связывается с имеющимися в ЭССЯ праславянскими реконструкциями, но может претендовать на праславянскую древность. Мы относим к такой потенциально праславянской лексике **bratilo* (ср. др.-новг. *братиловичь*, отойконимическое наименование, ср. укр. диалектн. *брати́ло* "брат" [38, т. I, с. 246]), **dēdilo* (др.-новг. *Дѣдила*, личное имя, ср. болг. *Дедил*, личное имя, 1491 г. [35, т. I, с. 472]; далее укр. диалектн. *дєдильница* "сныть" [38, т. 2, с. 86], блр. топоним *Дєдiловичи*/Дзядзілавічы [36, с. 95]), **bratęta* (*Братата*, личное имя), **budota*, менее вероятное ***bqđota* (*Будота*, личное имя; функционирование

корня как первого компонента ономастических сложений ср. в **budimirь*, **budislavь*, **budigojь*, **budimilь*), **děťja* (дѣтъя, собирательное), **domaslavь* (Домаславь, личное имя), **gadъka* (кроме укр. *gádka*, относительно которого можно предполагать западнославянское влияние, ср. польск. *gadka*, чешск. *hádká*, — также др.-новг. *gadka* "предположение, ожидание, надежда"), **gostiměрь* (ср. производное др.-новг. *Гостьмеричи*, топоним), **kojь* [*Kou*, личное имя; возможно, к праслав. **kojiti* "вскармливать (молоком матери)", "укрощать" и др., **kojěta* — ст.-чешск. *Kojata*, ст.-польск. *Kojęta*, личные имена [32, вып. 10, с. 113]; не исключена, однако, связь с **kujь*] и др. Но, не имея полной славянской картины распространения этих слов, мы сочли невозможным включать в статистическую обработку древненовгородского лексического материала лексику, отсутствующую в списке реконструкций ЭССЯ.

Лексикостатистическое сравнение древненовгородского диалекта по данным берестяных грамот с другими славянскими идиомами, сведения о праславянской лексике которых выверяются по показаниям ЭССЯ, может быть осуществлено по нескольким применяемым в лингвостатистике формулам. Мы приведем результаты статистического анализа по формулам

(1) генетической близости (предложена нами):

$$G(A, B) = \frac{\sum_{k=1}^n [(n+2-k) \cdot V(A, B)_k]}{H(A) \cdot H(B)},$$

где *A* и *B* — сравниваемые идиомы, *H* — объем праязыкового словника данного идиома, *V* (*A*, *B*) — количество лексем, связывающих идиомы *A* и *B* в изоглоссах разных классов, *k* — класс изоглоссы (количество охватываемых изоглоссой родственных идиомов, от 2 до *n*), $(n+2-k)$ — весовой коэффициент, где *n* — количество родственных идиомов, составляющих рассматриваемую семью (см. [29]); и стандартным статистическим формулам меры сходства объектов:

(2) коэффициента связи (ассоциации):

$$Q = \frac{ad - bc}{ad + bc},$$

где *a* — количество признаков (в нашем случае — праславянских лексем), общих обоим сравниваемым объектам (идиомам *A* и *B*), *b* — количество признаков, отмечаемых у одного данного объекта (*A*), но отсутствующих у другого (*B*), *c* — количество признаков, отмечаемых у объекта *B* и отсутствующих у объекта *A*, *d* — количество признаков, отсутствующих у обоих данных объектов;

(3) коэффициента сопряженности (контингенции):

$$\Phi = \frac{ad - bc}{\sqrt{(a+b)(a+c)(b+d)(c+d)}}$$

(обозначения — те же, что и в предыдущем случае).

Оценка статистической близости между древненовгородским диалектом и другими славянскими идиомами на материале праславянской лексики, осуществленная по всем трем приведенным формулам, дает следующие результаты [в первых двух цифровых колонках сообщаются числа лексических корреспонденций в абсолютном выражении *V* (*A*, *B*) и их доля

Таблица I

A~B	V (A, B) %	G	Q	Ф
Др.-новг. ~ ст.-слав.	219 57,9	2,3725	0,8356	0,2855
болг.	295 78,0	1,2506	0,7938	0,1970
макед.	232 61,4	1,3338	0,7622	0,2056
серб.-хорв.	338 89,4	1,1258	0,8703	0,1896
словен.	292 79,2	1,1247	0,7686	0,1820
чешск.	326 86,2	1,1546	0,8401	0,1880
словац.	274 72,5	1,1536	0,7566	0,1906
в.-луж.	237 62,7	1,4156	0,6437	0,1830
н.-луж.	234 61,9	1,6438	0,7976	0,2451
полаб.	117 31,0	2,2124	0,8174	0,2448
польск.	309 81,7	1,2998	0,8287	0,2079
кашуб.-словин.	216 57,1	1,4477	0,7393	0,2079
др.-русск.	342 ¹ 90,5	2,0534	0,9339	0,2844
сев.-в.-русск.	341 90,2	1,2402	0,8912	0,2064
ср.-русск. гов.	336 88,9	1,3179	0,8858	0,2146
юж.-в.-русск.	335 88,6	1,3217	0,8829	0,2136
укр.	339 89,7	1,3231	0,8924	0,2147
блр.	306 81,0	1,3485	0,8235	0,2077

¹ Древненовгородский диалект — составная древнерусского языка и, строго говоря, данные Словоуказателя (который мог стать источником ЭССЯ по причинам хронологического порядка только с 16-го выпуска) следовало автоматически влить в материалы, относящиеся к рубрике "др.-русск.", в качестве дополнений; тогда значения V и % в строке "др.-новг. ~ др.-русск" данной таблицы выглядели бы как 378 и 100 соответственно. Как следствие гораздо выше оказалось бы в этой строке и значение индекса генетической близости (по нашим прикидкам, оно возросло бы на 0,5—0,6 и превысило бы значение G для древненовгородского и старославянского, т.е. оказалось бы для рассматриваемого здесь диалекта максимальным). Коэффициент Q в таком случае приобрел бы значение "единица". Однако имея в виду проблему, о которой сказано выше, в настоящей работе мы предпочли возможность независимого рассмотрения древненовгородского диалекта в его связях с другими славянскими идиомами.

в процентах в объеме праславянского словника древненовгородского диалекта] (см. табл. I).

Весьма низкие абсолютные числа лексических схождений древненовгородского диалекта с иными славянскими идиомами, резкое отличие общего объема доступных исследованию праславянских лексических фактов в новгородском от аналогичных характеристик других славянских языков дают заметно перекошенную картину его статистических связей. Происходит это не из-за несовершенства использованных формул, в частности индекса генетической близости (хотя мы чрезвычайно далеки от утверждений о его безупречности), а по иным причинам. Малый объем праязыкового наследия в реконструируемом словаре какого-либо языка предполагает большую в нем долю слов, характеризующихся широким распространением (в нашем случае — общеславянских), и меньшую — узколокальных (праславянских диалектизмов). Со старославянским языком северновеликорусское наречие связывается 20,8% своей праславянской лексики, древнерусский язык, объем праславянского словника H которого в полтора раза меньше, — 33,2%, у древненовгородского же, с его минимальным H, — 57,9%. С болгарским — соответственно 52,0%, 59,2% и 78,0; и т.д. Сам характер общей лексики не может не сказаться на статистических результатах. Языки с невысокими показателями праязыкового лексического наследия почти

неизбежно будут давать такие значения индекса родства между собою, которые интуитивно воспринимаются как завышенные.

Именно поэтому наибольшие величины G у древненовгородского обнаруживаются в его отношениях со старославянским и полабским языками, объемы праславянских словников которых — наименьшие в списке привлеченных к анализу славянских языков и наречий. Сходным образом в нашем случае ведет себя и формула коэффициента сопряженности F .

Несколько более правдоподобную картину для древненовгородского рисует коэффициент ассоциации Q , хотя и здесь просматривается эффект зависимости его величин от общего объема праславянских словников сравниваемых языков: за пределами восточнославянского круга наибольшие значения коэффициента дают связи древненовгородского с сербохорватским и чешским языками, т.е. идиомами с наибольшими значениями H (в этом отношении они уступают только русскому, рассматриваемому нерасчлененно, с интеграцией выделенных здесь наречий в целое).

Давая общую оценку полученных результатов, следует заметить, что уже само существенное расхождение итогов, добытых с помощью разных (но в случае F и Q довольно близких) методик статистического анализа (расхождение, обратим внимание, не в конкретных величинах показателей, а в их соотношениях между собою в пределах каждого индекса), указывает на очень невысокую степень надежности этой статистики.

Попытаемся, однако, улучшить наши результаты, вернее, извлечь из них более определенную информацию. Сравним поведение древненовгородского диалекта с поведением других выделяемых у нас восточнославянских идиомов в их лексикостатистических связях с невостонославянскими языками, просчитанных по одной и той же формуле. Мы имеем в виду индекс G . Исключив из дальнейших расчетов данные, касающиеся полабского и старославянского языков (первого — ввиду крайней ненадежности индекса родства с древненовгородским, вытекающей из неудовлетворительности статистики обоих этих идиомов, второго — принимая во внимание его отличный от остальных языков статус), вычислим среднюю величину $\bar{G}$ для пар, в которые сопрягаются с древненовгородским диалектом невостонославянские языки. К этой полученной величине $\bar{G}$ отнесем конкретные величины табл. 1, т.е. сделаем расчеты по формуле $G(A, B)/\bar{G}(A, B)$, где A — древненовгородский диалект, B — невостонославянские языки (с исключением, как было сказано, старославянского и полабского).

Одним из важнейших результатов нашего лексикостатистического обследования славянских языков является индекс генетической близости G , вычисленный для всех пар включенных в анализ идиомов. Эти данные, публикуемые в других работах, мы здесь не приводим из-за ограниченности печатного пространства. Мы воспользуемся ими в целях сравнения между собою количественных "спектров" внешних связей каждого из восточнославянских идиомов. Исходя из этих данных, сделаем пересчет с использованием средних индекса генетической близости для остальных восточнославянских идиомов так же, как это было сделано для древненовгородского диалекта.

Сведенные вместе, результаты пересчета выглядят следующим образом (см. табл. 2).

Из табл. 2 видно, что отношения древненовгородского диалекта с языками южнославянской и западнославянской групп несколько иные, чем у остальных восточнославянских идиомов. "Стандартный" [3, с. 94] древнерусский язык, северновеликорусское наречие и среднерусские говоры в своих внешних лексикостатистических связях отдают предпочтение южнославянским языкам; если к южнославянским присовокупить близкие к ним во многих отношениях чешский и словацкий языки, то этой группе перед

Таблица 2

	Др.-новг.	Др.-русск.	Сев.-в.- русск.	Ср.-русск.	Юж.-в.- русск.	Укр.	Блр.
Болг.	0,966	1,056	1,049	1,042	1,014	0,980	0,945
Макед.	1,030	1,053	0,983	0,984	0,948	0,922	0,882
Серб.-хорв.	0,869	1,060	1,075	1,059	1,028	0,973	0,941
Словен.	0,868	1,045	1,051	1,033	0,999	1,000	0,946
Чешск.	0,892	0,976	1,020	1,017	1,023	1,041	1,014
Словац.	0,891	0,930	0,996	1,009	1,022	1,098	1,088
В.-луж.	1,093	0,901	0,921	0,908	0,943	0,959	0,994
Н.-луж.	1,269	0,944	0,900	0,900	0,929	0,921	0,967
Польск.	1,004	1,084	1,079	1,100	1,131	1,137	1,177
Кашуб.-словин.	1,118	0,950	0,926	0,949	0,963	0,968	1,047

лужицко-лехитской будут отдавать предпочтение и южнорусское наречие с украинским языком. Белорусский язык обнаруживает преимущество своих западнославянских связей перед южнославянскими. У древненовгородского диалекта наблюдается очевидное тяготение к западнославянской зоне, главным образом к серболужицкой и лехитской подгруппам, что напоминает невосточнославянские ориентации белорусского языка.

Меру сходства в поведении восточнославянских идиомов в лексикостатистических связях с южно- и западнославянскими языками можно установить с помощью математической корреляции. Вычисление коэффициента корреляции по формуле

$$r = \frac{\sum (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \cdot \sum (y_i - \bar{y})^2}}$$

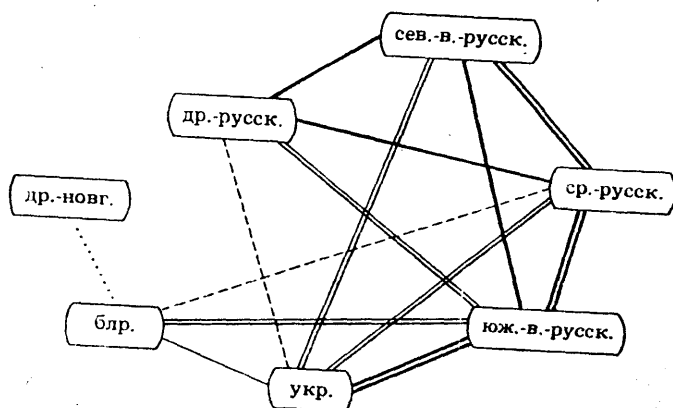
между вертикалями табл. 2 приводит к следующим соотношениям.

Древненовгородский диалект со всеми остальными выделяемыми здесь восточнославянскими идиомами дает отрицательную корреляцию (наименьшее отрицательное значение коэффициента, $r = -0,011$, — с белорусским языком, наибольшее, $r = -0,808$, — с северновеликорусским наречием). Все же остальные идиомы коррелируют между собою положительно (за исключением пар "древнерусский ~ белорусский" и "северновеликорусский ~ белорусский"; обе пары — с весьма низким коэффициентом отрицательной корреляции: $r = -0,134$ и $r = -0,125$ соответственно). Наиболее сильная положительная корреляция внешних связей наблюдается между северновеликорусским наречием и среднерусскими говорами ($r = +0,975$), наименее сильная ($r = +0,290$) — между среднерусскими говорами и белорусским языком.

Сходства между восточнославянскими идиомами в распределении их индивидуальных лексикостатистических тяготений к языкам южнославянской и западнославянской групп могут быть изображены схематически (см. схему).

Схема изображает восточнославянскую языковую группу довольно компактным единством, лишь древненовгородский диалект выглядит на ней инородным телом (обозначенная на схеме корреляция его с белорусским языком, так же как и с другими восточнославянскими идиомами, является отрицательной, но только наименьшей по модулю численного выражения). Конечно, обособленность древненовгородского диалекта здесь сильно заострена принятием во внимание лишь внешних статистических ориентаций, но это и было целью описанной процедуры.

- === + 0,850
 — + 0,675
 === + 0,500
 — + 0,325
 --- + 0,150
 - 0,025

Последнее обстоятельство — обращение здесь лишь к внешнеславянским лексикостатистическим связям — является, по-видимому, главной причиной поразительного, на первый взгляд, факта: крайне низкой (точнее говоря, чрезвычайно высокой отрицательной) корреляции между показателями внешних тяготений для древненовгородского диалекта и северновеликорусского наречия, сложившегося на его основе. Принятие в расчет собственных лексикостатистических связей между указанными идиомами (по коэффициенту ассоциации, Q , они являются значительными), разумеется, сильно умалило бы парадоксальность этой картины. Кроме того, древний новгородский диалект — это хотя и важнейшая, но не единственная база, на которой формировалось северновеликорусское наречие.

Допустимо думать, что различия между "стандартным" древнерусским языком и его потомками, с одной стороны, и древненовгородским диалектом, с другой, выявленные корреляционным анализом данных о внешних статистических "предпочтениях", отражают негомогенность восточнославянской языковой группы. Просматривающиеся связи древненовгородского диалекта с языками других славянских групп, прежде всего с западной, могут трактоваться как свидетельство особой архаичности севернокривичских говоров, легших в его основу. Для суждений же о западнославянском генезисе древненовгородского диалекта, высказывавшихся Д.К. Зелениным и другими исследователями, ввиду заметного количества лексических переключек с южнославянскими языками (см. выше), серьезных оснований, на наш взгляд, не имеется. Оценивая точку зрения Д.К. Зеленина на "ляшские" особенности северо-западных русских диалектов, Н.И. Толстой и С.М. Толстая справедливо отмечают: «Возможно, что некоторые языковые черты на восточнославянской территории, воспринимавшиеся как западнославянские ("ляшские"), являются просто общеславянскими архаизмами» [24, с. 82]. Новгородская земля, как известно, наряду с Полесьем, Псковщиной, русским Севером и др., включается в число архаических зон славянского языкового мира (см. [23, с. 55]).

С утверждениями об архаичности древненовгородских языковых фактов в общеславянском контексте, как нам кажется, не вступают в противоречие соображения, касающиеся балтийской ретроспективы (см. из последних работ [30]) представляющие собою еще один важный аспект древненовгородской проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А.А. Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания. Вып. V: История русского языка в древнейший период. М., 1984.
2. Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.
3. Зализняк А.А. Значение новгородских берестяных грамот для истории русского и других славянских языков // Вестник АН СССР. 1988. № 8.
4. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1988.
5. Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Трубецкой Н.С. Избр. тр. по филологии. М., 1987. С. 166—167.
6. Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1954. Вып. 6.
7. Шахматов А.А. Южные поселения вятичей // Изв. Академии наук. 1907. № 16.
8. Шахматов А.А. Древние ляхские поселения в России // Славянство. 1911. № 4/6.
9. Шахматов А.А. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // РФВ. 1913. Т. 69. № 1.
10. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
11. Расторгуев П.А. К вопросу о ляхских чертах в белорусской фонетике // Тр. постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Вып. IX. Л., 1927.
12. Петровский Н.М. О новгородских "словенах" // ИОРЯС. Т. XXV (1920). Пг., 1922. С. 370 и сл.
13. Васильев Л.Л. О случае сохранения общеславянской группы *-dl-* в одном из старых наречий русского языка // РФВ. 1907. № 4.
14. Дурново Н.Н. Несколько замечаний по вопросу об образовании русских языков // ИРЯС АН СССР. Т. II (1929). Кн. 2.
15. Ларин Б.А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. А.А. Шахматова и наши задачи // Уч. зап. ЛГУ. 1960. № 267 (Сер. филол. наук. Вып. 52).
16. Бернштейн С.Б. Сравнительная грамматика славянских языков. М., 1961.
17. Горнунг Б.В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.
18. Мжельская О.С. О лексических связях псковских говоров с западными славянскими языками (слово *скор уна*) // Вестник ЛГУ. 1963. № 14. Вып. 3.
19. Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (Имена) // ВЯ. 1965. № 3.
20. Мокиенко В.М. Об одной псковско-западнотранславянской изоглоссе (*багно*) // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей памяти проф. Б.А. Ларина. Л., 1969.
21. Мокиенко В.М. Ареальный анализ местной географической терминологии и его интерпретация // Советское славяноведение. 1969. № 5.
22. Lunt H.G. On the language of old Rus': some questions and suggestions // R.Ling. 1975. № 3/4.
23. Толстой Н.И. О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.
24. Толстой Н.И., Толстая С.М. Д.К. Зеленин-диалектолог // Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д.К. Зеленина). Л., 1979.
25. Хабургаев Г.А. Этнонимия "Повести временных лет" в связи с задачами реконструкции восточнославянского этногенеза. М., 1979.
26. Хабургаев Г.А. Становление русского языка: Пособие по исторической грамматике. М., 1980.
27. Півторак Г.П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови: Історико-фонетичний нарис. Київ, 1988.
28. Зализняк А.А. Словоуказатель к берестяным грамотам // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986.
29. Журавлев А.Ф. Лексикостатистическая оценка генетической близости славянских языков // ВЯ. 1988. № 4.
30. Журавлев А.Ф. Поморский ("протокашубскославянский") в кругу позднотранславянских диалектов (по данным лексикостатистики) // Поморські слов'яни: Тези конф. до 120-річчя з дня народження М.В. Бречкевича. Тернопіль, 1990.
31. Журавлев А.Ф. Из кваантитативнотипологических наблюдений над лексикой славянских языков (Праславянское наследие) // ВЯ. 1992. № 3.
32. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. I—17. М., 1972—1990.

33. Куза А.В., Медынцева А.А. Заметки о берестяных грамотах // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. М., 1974. С. 222—223.
34. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—26. М.; Л., 1965—1991.
35. Български етимологичен речник. Т. 1—3. София, 1971—1986.
36. Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
37. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
38. Етимологічний словник української мови. Т. 1—3. Київ. 1982—1989.
39. Топоров В.Н. О кривичском элементе и кривичской ретроспективе // Славистика. Индо-европеистика. Ностратика: К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо: Тез. докл. М., 1991.